

М. Кузмин

Форель разбивает лед

Стихи 1925-1928 гг.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М11

М11 **М. Кузмин**
Форель разбивает лед: Стихи 1925-1928 гг. / М. Кузмин – М.: Книга по Требо-
ванию, 2019. – 92 с.

ISBN 978-5-4241-3268-1

Михаил Алексеевич Кузмин - поэт, прозаик, переводчик, видная фигура
"Серебряного века"

Художественная манера Михаила Кузмина своеобразна, артистична, а
творчество пронизано искренним поэтическим чувством.

ISBN 978-5-4241-3268-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕРВОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Ручей стал лаком до льда:
Зимнее небо учит.
Леденцовые цепи
Ломко брянчат, как лютня.
Ударь, форель, проворней!
Тебе надоело ведь
Солнце аквамарином
И птиц скороходом — тень.
Чем круче сжимаешься —
Звук резче, возврат дружбы.
На льду стоит крестьянин.
Форель разбивает лед.

ВТОРОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Непрошенные гости
Сошлись ко мне на чай,
Тут, хочешь иль не хочешь,
С улыбкою встречай.

Глаза у них померкли
И пальцы словно воск,
И нищенски играет
По швам убогий лоск.

Забытые названия,
Небывшие слова...
От темных разговоров
Тупеет голова...

Художник утонувший
Топочет каблучком,
За ним гусарский мальчик
С простреленным виском...

А вы и не рождались
О, мистер Дориан, —
Зачем же так свободно
Садитесь на диван?

Ну, память — экономка
Воображение — боу,
Не пропущу вам даром
Проделки я такой!

ПЕРВЫЙ УДАР

Стояли холода, и шел „Тристан“.
В оркестре пело раненое море,
Зеленый край за паром голубым,
Остановившееся дико сердце.
Никто не видел, как в театр вошла
И оказалась уж сидящей в ложе
Красавица, как полотно Брюлова.
Такие женщины живут в романах,
Встречаются они и на экране...
За них свершают кражи, преступления,
Подкарауливают их кареты
И отравляются на чердаках.
Теперь она внимательно и скромно
Следила за смертельною любовью,
Не поправляя алого платочка,
Что сполз у ней с жемчужного плеча,
Не замечая, что за ней упорно
Следят в театре многие бинокли...
Я не был с ней знаком, но все смотрел
На полумрак пустой, казалось, ложи...
Я был на спиритическом сеансе,
Хоть не люблю спиритов, и казался
Мне жалким медиум — забитый чех.
В широкое окно лился свободно
Голубоватый леденящий свет.
Луна как будто с севера светила:
Исландия, Гренландия и Тулэ,
Зеленый край за паром голубым...
И вот я помню: тело мне сковала
Какая-то дремота перед взрывом,
И ожидание, и отвращенье,
Последний стыд и полное блаженство...

А легкий стук внутри не прерывался,
Как будто рыба бьет хвостом о лед...
Я встал, шатаюсь, как слепой лунатик
Дошел до двери... Вдруг она открылась...
Из аванложи вышел человек
Лет двадцати, с зелеными глазами;
Меня он принял будто за другого,
Пожал мне руку и сказал: „покурим!“
Как сильно рыба двинула хвостом!
Безволие — преддверье высшей воли!
Последний стыд и полное блаженство!
Зеленый край за паром голубым!

ВТОРОЙ УДАР

Кони бьются, храпят в испуге,
Синей лентой обвиты дуги,
Волки, снег, бубенцы, пальба!
Что до страшной, как ночь, расплаты?
Разве дрогнут твои Карпаты?
В старом роге застынет мед?

Полость треплется, диво - птица;
Визг полозьев — „гайда, Марица!“
Стоп... бежит с фонарем гайдук...
Вот какое твое домовье:
Свет мадонны у изголовья
И подкова хранит порог,

Галереи, сугроб на крыше,
За шпалерой скребутся мыши,
Чепраки, кружева, ковры!

Тяжело от парадных спален!
А в камин целый лес навален,
Словно ладан шипит смола...

Отчего ж твои губы желты?
Сам не знаешь, на что пошел ты?
Тут о шутках, дружок, забудь!
Не богемских лесов вампиром —
Смертным братом пред целым миром
Ты назвался, так будь же брат!

А законы у нас в остроге,
Ах, привольны они и строги:
Кровь за кровь, за любовь любовь.
Мы берем и даем по чести,
Нам не надо кровавой мести:
От зарока развяжет бог,

Сам себя осуждает Каин...
Побледнел молодой хозяин,
Резанул по ладони вкось...
Тихо капает кровь в стаканы:
Знак обмена и знак охраны...
На конюшню ведут коней...

ТРЕТИЙ УДАР

Как недобитое крыло,
Висит модель: голландский ботик.
Оранжевое светлое
В стекле подобных библиотек.

Вчерашняя езда и нож,
И клятвы в диком исступленьи
Пророчили мне где-то ложь,
Пародию на преступление...

Узнать хотелось... Очень жаль...
Но мужественный вид комфорта
Доказывал мне, что локаль
Не для бесед такого сорта.

Вы только-что ушли, Шекспир
Открыт, дымится папироса...
„Сонеты!!“. Как несложен мир
Под мартовский напев вопроса!

Как тает снежное шитье,
Весенними гонясь лучами,
Так юношеское житье
Идет капризными путями!

ЧЕТВЕРТЫЙ УДАР

О, этот завтрак так похож
На оркестрованные дни,
Когда на каждый звук и мысль
Встает, любя, противовес:
Рожок с кларнетом говорит,
В объятьях арфы флейта спит,
Вещает траурный тромбон —
Покойникам приятен он.

О, этот завтрак так похож
На ярмарочных близнецов:
Один живот, а сердца два,
Две головы, одна спина...
Родились так, что просто срам,
И тайна непонятна нам.
Буквально вырази обмен, —
Базарный выйдет феномен.

Ты просыпался — я не сплю,
Мы два крыла — одна душа,
Мы две души — один творец,
Мы два творца — один венец...
Зачем же заперт чемодан
И взят на станции билет?
О, этот завтрак так похож
На подозрительную ложь!

П Я Т Ы Й У Д А Р

Мы этот май проводим как в деревне:
Спустили шторы, сняли пиджаки,
В переднюю бильярд перетащили
И половину дня стучим киями
От завтрака до чая. Ранний ужин,
Вставанье на заре, купанье, лень...
Раз вы уехали, казалось нужным
Мне жить, как подобает жить в разлуке:
Немного скучно и гигиенично.
Я даже не особенно ждал писем
И вздрогнул, увидавши штампель: „Гринок“.
— Мы этот май проводим как в бреду,

Безумствует шиповник, море сине,
И Эллино́р прекрасней, чем всегда!
Прости, мой друг, но если бы ты видел,
Как поутру она в цветник выходит
В голубовато-серой амазонке, —
Ты понял бы, что страсть — сильнее воли. —
Так вот она — зеленая страна! —
Кто выдумал, что мирные пейзажи
Не могут быть ареной катастроф?

ШЕСТОЙ УДАР /Баллада/

Ушел моряк, румян и рус,
За дальние моря.
Идут года, седеет ус,
Не ждет его семья.
Уж бабушка за упокой
Молилась каждый год,
А у невесты молодой
На сердце тяжкий лед,
Давно убрали со стола,
Собака гложет кость, —
Завыла, морду подняла . . .
А на пороге гость.
Стоит моряк, лет сорока.
— Кто тут хозяин? Эй!
Привез я весть издалека
Для миссрисс Анны Рэй.
— Какие вести скажешь нам?
Жених погиб давно! —
Он засучил рукав, а там
Родимое пятно.

— Я Эрвин Грин. Прошу встречать! —
Без чувств невеста — хлоп...
Отец заплакал, плачет мать,
Целует сына в лоб.
Везде звонят колокола
„Динг-донг“ среди равнин,
Венчаться Анна Рэй пошла,
А с нею Эрвин Грин.
С волынками проводят их,
Оставили вдвоем.
Она: — Хочу тебя, жених,
Спросить я вот о чем:
Объездил много ты сторон,
Пока жила одной, —
Не позабыл ли ты закон
Своей страны родной?
Я видела: не чтишь святынь,
Колен не преклонял,
Не отвечаешь ты „аминь“,
Когда поют хорал,
В святой воде не мочишь рук,
Садись без креста, —
Уж не отвергся ли ты, друг,
Спасителя Христа?..
— Ложись спокойно, Анна Рэй,
И вздора не мели!
Знать, не видала ты людей
Из северной земли.
Там светит всем зеленый свет
На небе, на земле,
Из-под воды выходит цвет
Как сердце на стебле,
И все ясней для смелых душ
Замерзшая звезда...

А твой ли я жених и муж,
Смотри, смотри сюда! —
Она глядит и так и сяк, —
В себя ей не прийти...
Сорокалетний где моряк,
С которым жизнь вести
И благороден, и высок,
Морщин не отыскать,
Ресницы, брови и висок, —
Ну, глаз не оторвать!
Румянец нежный заиграл,
Зарделася щека, —
Таким никто ведь не видал
И в детстве моряка.
И волос тонок словно лен,
И губы горячей,
Чудесной силой наделен
Зеленый блеск очей...
И вспомнилось, как много лет...
Тут... в замке... на горе...
Скончался юный баронет
На утренней заре.
Цветочком в гробе он лежал,
И убивалась мать,
А голос Аннушке шептал:
„С таким бы вот поспать!“
И легкий треск, и синий звон,
И огоньки кругом,
Зеленый и холодный сон
Окутал спящий дом.
Она горит и слезы льет,
Молиться ей не в мочь.
А он стоит, ответа ждет...
Звенит тихонько ночь ..